

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

РЕЦ. НА КН.: БАБАК Г., ДМИТРИЕВ А. АТЛАНТИДА
СОВЕТСКОГО НАЦМОДЕРНИЗМА: ФОРМАЛЬНЫЙ
МЕТОД В УКРАИНЕ (1920-е – начало 1930-х). М.: Новое
литеатурное обозрение, 2021. 784 с. Тираж: 1000 экз.

В. С. Отяковский
(Тарту)

Книга Галины Бабак и Александра Дмитриева о рецепции формального метода в Украине вышла из печати осенью 2021 года и тогда же автор этих строк решил ее отрецензировать. Наверное, в тот момент отклик выглядел бы спокойнее – вот, мол, формальный метод; вот, мол, как его воспринимали в Советской Украине, а вот, мол, зачем для этого придумывать концепт «нацмодернизма». Именно таким вышел «форум», посвященный монографии в журнале “Ab Imperio” (2021, № 4) – в девяти статьях авторы обсуждают разные аспекты книги, подчеркивают ее ценность для построения истории науки в Украине, с разных сторон обсуждают (в основном, оспаривая) терминотворчество в заглавии¹. Совсем в ином регистре читается первая же фраза ответа рецензентам, написанная авторами книги в конце февраля: «Дописывать этот текст было очень тяжело – стоило вспомнить тот или иной пассаж из текстов украинских коллег, перед главами вставляли картины из подвалов, станций метро и сводок новостей» (Бабак, Дмитриев 2022: 193). Война России против Украины влияет в том числе и на поле гуманитарных наук, со всей неизбежностью вскрывая его внутренние противоречия. В

¹ Именно из-за нежелания очевидных повторов на следующих страницах почти не будет размышлений по поводу «нацмодернизма», основное внимание уделено историко-научному сюжету монографии. В этом ракурсе особенно ценны возражения и дополнения из первой половины рецензии Андрея Портнова и Оксаны Пашко (см.: Пашко, Портнов 2021: 91–113).

славистике начинается реконфигурация, пересборка поля интересов, и в этом процессе «Атлантида советского нацмодернизма» кажется важным объектом для разговора о новых основаниях Russian и Ukrainian studies.

Дело в том, что формальный метод стал своего рода лейблом русской культуры в области теории; вместе с бахтинизмом труды филологов 1920-х суммируются лаконичным названием Russian theory и в таком виде продвигаются в академической среде. Монография некоторым образом усложняет эту картину, добавляя важные обертона и расставляя акценты. Цель авторов не в том, чтобы отъединить теорию от русской культуры – это было бы задачей столь же вредной, сколь и нереализуемой, но при этом они стремятся снизить гомогенизирующий эффект «русскости», указать на те участки поля, которые при построении «русской» теории становятся слепыми зонами. В этом смысле славистике в России повезло, что книга такого охвата, выдержанная в спокойной академической интонации, появилась до начала войны – похожих работ в ближайшее время не предвидится. (Сразу стоит отметить двухсотстраничный раздел приложений – по сути, самостоятельную хрестоматию по заявленной теме, полную впервые переведенных украинских текстов и извлечений из архивов.)

В заявленном ракурсе прежде всего нужно говорить о первых двух главах первой части книги, посвященных предтечам формализма Александру Потебне и Владимиру Перетцу. Потебня – прорывной теоретик, особое положение которого, как пишут авторы, «в известной степени задает исходную рамку всей нашей книги» (с. 40). Его феномен складывается не только на основе работ ученого, но и с учетом истории их осмысления и канонизации – неслучайно эта глава называется «Наследие Александра Потебни» с ударением на первом слове. В Петербурге Потебня был острее всего воспринят сообществом не научным, а литературным, прежде всего в лице Андрея Белого, который активно обращался к его рефлексиям в попытке систематизировать символистскую эстетику. Неудивительно поэтому, что ранний формализм так нападает на Потебню (например, в небольшой статье Шкловского

«Потебня»), видя в его лице сподвижника символизма и, таким образом, союзника соперников. Позже, впрочем, отношение к нему сглаживается, и примечательно, что украинский критик Владимир Державин в конце 1920-х усматривает в «Технике писательского ремесла» Шкловского уже зависимость от харьковского теоретика (с. 563).

В свою очередь украинское сообщество, включающее прямых учеников, взаимодействует с более академичным образом Потебни, учитывает не только его эстетические труды (ко всему прочему, проблемные чисто текстологически), но и работу по изданию украинской литературы XIX века. Для формалистов существует в основном ранний Потебня, а украинские коллеги учитывают и стадиальность его развития, постепенную эволюцию. Таким образом формируется иная линия его восприятия. Если опоязовцы используют концепты Потебни для спора с ними, то харьковское прочтение вполне сочувственно, причем по мере развития формального метода, украинские ученые, ему симпатизирующие, вполне бесконфликтно скрещивают потебнианский психологизм с принципами имманентного анализа. Такого рода синтез можно наблюдать, например, в лице Иеремии Айзенштока, который хоть и не застал Потебню, но с энтузиазмом примкнул к сообществу его наследников, участвуя в издании сочинений ученого. Позже он встретил триумф формального метода, выраженный в одном из самых комплиментарных украинских текстов о формализме – статье «Десять лет ОПОЯЗа», в которой утверждается способность адаптации опоязовского инструментария к разным гуманитарным парадигмам (сам Айзеншток, учитывая контекст конца 1920-х, пишет о марксистской, но подразумеваются и иные возможности).

Совсем иного рода влияние связано с фигурой Владимира Перетца, который важен для опоязовцев не только и не столько как методологический источник, но скорее как образец в области «научного быта», как мастер институционального обустройства. Его знаменитый киевский и затем петербургский семинар был одним из самых интересных научных образований в славистике начала XX века. Строгой формализованности, почти монастырскому

устройству семинара, ОПОЯЗ неявно противопоставил свободную ассоциацию литераторов, не связанных официальными отношениями. Таким образом, Перетц тоже оказывается скорее платформой для отталкивания, притом весьма важной.

Перетц синхронно со Шкловским заявил о принципиальности вопроса «как сделано произведение», и в отличие от российской среды, где его «филологический» подход был не так заметен на фоне авангардного самоутверждения формалистов, в Украине его труды породили благодарное поколение последователей – значительная часть героев книги аттестуется авторами как «ученик Перетца». В очерке об ученом уделяется внимание не только его работам и организаторским способностям, но также и вполне четко реконструируемой (в отличие от Потебни) политической позиции и способности ее продвигать в неблагоприятной для национального самосознания обстановке трансформирующейся империи. Академичный Перетц в таком изображении оказывается совсем не кабинетным ученым, а гибким и тонко чувствующим эпоху интеллектуалом, способным продвигать свои интересы в любой обстановке – неслучайно он попал под репрессии еще до 1937-го, в рамках «дела славистов».

Значение Потебни и Перетца для формалистов можно типологически сопоставить со значением петербуржцев Веселовского и Венгерова (с первым из каждой пары диалог скорее теоретический, со вторым – так сказать, институциональный), а авторы монографии ясно демонстрируют, что для харьковского и киевского ученых невозможно ограничиться дискурсом «провинции русской империи», для понимания их жизненных и интеллектуальных стратегий необходимо понимание именно «украинского вопроса», синхронного их деятельности. Поколение, к формированию которого Потебня и Перетц оба имеют прямое отношение, будет потом главным создателем того самого национального модернизма. Если для опоязовцев возможна только полемика с ними, то для прямых учеников обоих свойственен скорее синтетический подход, сочувственное восприятие конструктивных элементов формального метода, вопреки полемическому задору отрицания

академии – неслучайно украинские теоретики будут внимательно следить за работами Виктора Жирмунского, который не отрицал своей зависимости от предшественников по теории. Траектория, по которой идут потебнианцы и перетцианцы, параллельна и отлична от той, которую предпочли Шкловский сотоварищи.

За главами о Потебне и Перетце следует очерк «Особенности раннего модернизма в украинской литературе и критике рубежа XIX–XX веков». Смена предмета анализа объясняется общей концепцией книги, ведь помимо истории науки, она претендует на построение траектории общей интеллектуальной / культурной истории рассматриваемого периода. Основной стержень, связывающий разные части, связан с формализмом не только в узком значении, но и в расширенном, который сегодня становится все более распространен. Этапной для такого понимания стала антология под редакцией Сергея Ушакина «Формальный метод» (см.: Ушакин, 2016), в которой собраны труды не только опоязовцев, но и теоретические работы Родченко, Эйзенштейна, Малевича, Гастева и т. д. В одном из интервью Галина Бабак говорила, что к изучению формализма она пришла от увлечения украинским поэтическим авангардом (см.: Дмитриев, Бабак 2022: s. p.), и это видно в «Атлантиде советского нацмодернизма». «Формализм» здесь превращается в *umbrella term*, отчасти размывающий свое значение. Это заметный недостаток для истории науки, но авторы вполне сознательно используют этот ход как прием в построении истории культуры, не останавливающейся на одной конкретной дисциплине – такой ракурс позволяет включить в общий нарратив футуристический журнал «Новая генерация» и группу киевских «неоклассиков». Как при разговоре о Шкловском, Тынянове, Эйхенбауме сложно обойтись без фигур Маяковского, Хлебникова, Ахматовой – так и украинская наука о литературе тесно сплетается с художественной практикой харьковских и киевских прозаиков и поэтов.

Вторая часть книги «Русский формализм и становление литературной теории в советской Украине в 1920-е годы» открывается подробным очерком пореволюционной жизни литературного Киева,

где в период украинского национального возрождения живут также московские и петроградские поэты и художники. В Киеве в 1919 году публикуется статья Шкловского «Из филологических очевидностей современной науки о стихе»² с подробными комментариями к ней «киевского Малларме» Владимира Маккавейского. Именно этой русскоязычной публикации и было суждено открыть рецепцию формализма в Украине.

Но первым по-настоящему серьезным этапом восприятия нового метода стал «Харьковский кружок формалистов», устроенный под руководством Александра Белецкого при столичном университете. Белецкий известен прежде всего как методолог истории чтения, которую он начал разрабатывать в 1920-е годы, и уже из этого ясно, что обсуждения участников объединения не ограничивались теми направлениями, которые прокладывали ОПОЯЗ и МЛК. Работа кружка была скорее реферативной, на заседаниях обсуждалась новая европейская и советская наука о поэтике; о позднем периоде существования объединения Белецкий писал: «Особенностью нашей работы в 1926–1927 годах было выделение в особую группу докладов, связанных с историей читателя» (с. 148). Главным плодом работы кружка стали «Указатель литературы по поэтике 1900–1922» и перевод «Поэтики» Рихарда Мюллера-Фрейенфельса. Эти работы стали сигналом того, что новая украинская наука о литературе набирает обороты и готова к широкому производству знания.

В 1920-е в Украине происходит целый бум прикладного изучения поэтики, выходит множество пособий и учебников по литературной технике, а также собственно исследовательских работ, осмысляющих украинскую словесность в категориях новых парадигм: «формовка» украинского модернизма требует мастерства от своих создателей. Давая методологическую оценку этой литературе, авторы отмечают тягу ученых и писателей к синтезу разных методов: «В целом отличительной чертой всех вышеназванных сочинений по теории поэзии был ориентир на модели лингвистического

² Эта статья с примечаниями Маккавейского была недавно републикована и прокомментирована в: Устинов 2022: 107–115.

и психологического знания; это говорит о сильной традиции данных подходов внутри национального контекста развития украинской филологической науки тех лет. С другой стороны, здесь можно отметить эклектичность и тенденцию к смешению исследовательских ориентиров, в частности, формального, лингвистического и психологического методов» (с. 167, далее в главе разбираются также примеси марксизма и фрейдизма в этих работах).

Среди такого рода учебников особую роль занимает книга Бориса Якубского «Наука стихосложения» (1925), которой посвящена отдельная глава. Ученик Перетца Якубский, стремившийся к синтезу формального и социологического подходов, написал один из ключевых трудов для украинского стиховедения. В нем, во-первых, суммируется опыт восточноевропейского стиховедения вплоть до середины двадцатых, а во-вторых, дан ряд мнений по спорным вопросам науки о стихе того периода: Якубский пишет о соотношении ритма и метра, предлагает своеобразное деление систем стихосложения (на метрическую и тоническую), а также уделяет внимание тому, как различные стиховедческие концепты приложимы к украинской поэзии, учитывая не только очевидных теоретиков вроде Белого и Томашевского, но и подчеркивая ценность идей харьковского футуриста Божидара. Книгу Якубского высоко ценил Томашевский – он посвятил ей рецензию, перепечатанную в приложении (украинскому ученому, в свою очередь, принадлежит развернутый отзыв на «Поэтику» ленинградского коллеги, ее перевод также приложен к монографии).

Если Якубский стоит в центре разговора о стиховедении, то за теорию прозы «отвечает» Майк Йогансен. Полиглот, блестящий интеллектуал, яркий поэт и самобытный прозаик, Йогансен, по собственным словам, «и в своих стихах, и в прозе, и в теоретических статьях неуклонно старался поднять украинское слово до европейского уровня» (с. 197). В 1928 году вышла его книга «Как строится рассказ» – одновременно руководство по писательскому ремеслу и образец формального анализа малой прозы (автор выбирает в качестве примеров рассказы Тургенева, Уэлса, Эдгара По и Джона Барри). Это соединение техник creative

writing с высокой теорией мгновенно напоминает о Шкловском, и авторы монографии последовательно сравнивают книгу Йогансена с «О теории прозы», вышедшей тремя годами ранее. Украинский формалист во многом ориентируется на предшественника, уделяет внимание остранению (в переводе – «поновлению»), но, будучи избавленным от пафоса «защиты метода», также разбавляет свой анализ своеобразно понятым марксизмом и психологизмом. И если первый лишь иронически декларируется, то второй вполне вдумчиво интегрируется в разбор произведений: помимо описания и систематизации приемов повествования, Йогансен рассуждает о психологических мотивировках персонажей и рассказчика, несколько парадоксально смешивая «риторический» и «этический» регистры, хотя и не доводя их до синтеза, воплощенного Бахтиным, который лишь мельком упоминается в этой главе монографии.

Йогансен – единственный герой книги, которому посвящено сразу две персональные главы, поскольку «свои теоретические разработки (как серьезные, так и довольно шуточные) Йогансен применял и в собственной прозе» (с. 211). Роман с ослепительным названием «Путешествие ученого доктора Леонардо и его будущей возлюбленной Альцесты в Слобожанскую Швейцарию» рассматривается как «пример формалистской прозы». Это вполне закономерно – литературные течения 1920-х формируются с учетом того, что им необходима своя теория, и язык этой теории разрабатывается с учетом новой науки (в этом заметное отличие ранне-советских украинских писателей от русских футуристов, которые сами на формалистов влияли). «Фактура», «монтаж», «материал», «мотивировка» – ключевые термины украинского панфутуризма напрямую восходят к построениям опоязовцев. Взаимозависимость практики и теории – предмет активной дискуссии на страницах основных литературных журналов, а соотношение формы и содержания становится точкой преткновения для многих крупных литераторов. Постоянное обращение к формализму в этих спорах становится общим местом, метод проникает даже в издания внешне ему не симпатизирующие.

Отдельный интерес в этом ракурсе представляет журнал «Ваплите», печатный орган одноименной группы («Вольная академия пролетарской литературы»). Главного редактора журнала Миколу Хвылевого сложно назвать сторонником формализма, он был скорее политическим деятелем от литературы, поборником «азиатского ренессанса», то есть своеобразного самоопределения украинской культуры в евразийских терминах. Формализму Хвылевой посвятил специальный памфлет, в котором писал: «Ни со Шкловским, ни с Якобсоном, ни с Крученых и т. д. нам не по пути» (с. 381), но, несмотря на это, в его издании появлялись публикации, вполне сочувственные к опоязовской теории – статьи уже упомянутых Йогансена и Айзенштока, а также «Про реализм в искусстве» Якобсона (1927). Отдельная глава монографии о последней публикации – эффектная полемика с уже устоявшейся постколониальной интерпретацией Якобсона 1920-х, внимательное чтение как самой статьи, так и нескольких контекстов, связанных с ее публикацией, показывает, что евразийство Якобсона далеко не подразумевало «сплочения славянских стран вокруг России», а подспудное сравнение структуралиста с Хвылевым в очередной раз подчеркивает сложность разных проектов «национального модернизма», как и самого сочетания «национального» и «модернизма».

Формализм, проникнув на страницы крупных журналов и став общераспространенным среди рефлекслирующих литераторов, подготовил почву для следующего сюжета, возможно, центрального во всей монографии. Он изложен в главе «Борис Эйхенбаум в Украине: дискуссия вокруг статьи “Теория ‘формального метода’” в журналах “Червоный шлях” и “Красное слово”». В апреле 1926 года Эйхенбаум приезжает в Харьков, где читает несколько лекций о формальном методе, и уже в августе в «Червоном шляхе» публикуется «Теория “формального метода”» – таким образом, одно из ключевых автоописаний формализма появилось на украинском языке, в одном из ведущих харьковских изданий. Лекции и статья породили целый ряд откликов от украинских интеллектуалов – авторы монографии анализируют публикации Захария Чучмарева, Анатолия Машкина, Агапия

Шамрая и Василя Бойко (последние две переведены на русский и опубликованы в приложении). Показательна методологическая пропорция, соблюденная в полемике – один из авторов (Шамрай) вполне сочувствует формализму, другой (Чучмарев) критикует его с позиции психологизма, имеющего мощную харьковскую традицию, еще два – борются с формализмом через апелляцию к марксизму, причем если Машкин в пересказе авторов монографии довольно схематичен и сер, то высказывание Бойко заслуживает более подробного внимания. Его статья «Формализм и марксизм (По поводу лекции проф. Эйхенбаума)» остроумно критикует философский фундамент формализма, усматривая в нем идеалистический плюрализм, и противопоставляет ему «правильный» марксизм. В отличие от официозной критики, сопровождавшей формализм на протяжении второй половины 1920-х, Бойко говорит о методологических недостатках оппонентов не ради обличений, а для критики «фальшивого» марксизма, который неспособен учитывать достоинства и сильные стороны «врага». Очерк Бойко – одно из самых интересных синхронных прочтений формализма с официальных позиций: «марксист – историк литературы или литературный критик должен быть хоть немного художником и оценивать произведения литературы художественно; другими словами, такой марксист должен быть *одновременно* и формалистом. Такие “*марксисты-формалисты*” наверняка скорее и лучше справятся и историей литературы, чем сами формалисты <...> такой марксист с честью будет выполнять свои задачи, не записываясь в группу формалистов, поскольку он будет понимать, что социология и объективная эстетика создают два акта *единой* материалистической критики» (с. 620).

Внимания заслуживает и вторая напечатанная в приложении работа, статья Шамрая «“Формальный” метод в литературе». В ней четко выражены симпатии украинских интеллектуалов к «умеренному» формализму, который не отрицает другие способы анализа и сосредоточен скорее на синтезе существующих инструментов, чем на маниакальной разработке новых – проще говоря, Шамрай симпатизирует не Шкловскому, а Жирмунскому, его гибкости и

способности институализировать знание. Увы, именно это стремление приладить «неудобный» метод к официальному дискурсу и привело Шамрая к печальному исходу.

Ожидаемо, нарратив о формализме завершается рассказом о разгроме сообщества. Украинский сюжет во многом отражает московско-ленинградский: публичные отречения и покаяния, увольнения и репрессии причастных интеллектуалов – Айзеншток писал Эйхенбауму в 1931-м: «Мы, на Украине, переживаем сейчас нечто подобное тому, что у вас, на Севере, было в 1928–1929 гг., – формализм является одним из жупелов, которых пугаются наши литературные критики, и Ваше имя неожиданно приобрело еще большую одиозность, нежели в Ленинграде» (с. 684). Тут, разве что, в меньшей степени можно говорить о разгроме формалистских институций за отсутствием таковых. В приложении помещен поразительный документ – стенограмма публичной самокритики Шамрая и его «проработки» коллегами по Институту Шевченко в 1931 году. Это саморазоблачение происходит в самом начале массовых кампаний по самокритике, поэтому ему в меньшей степени присуща жуткая ритуальность процессов середины 1930-х, самообвиняемый еще старается оправдаться, хотя вывод доклада неумолим: «В этом академическом 1930–1931 году, присоединившись к ударной группе, я обязал себя в течение этого года ликвидировать все идеалистические остатки в своих методологических концепциях, перейти окончательно на рельсы марксистского метода» (с. 649). Вопрос о том, спасла ли ученого самокритика, может показаться излишним – спасло его только бегство за пределы Украины: в Ижевск, потом Фергану, потом на Урал.

Шамрай не эмигрировал за пределы СССР, хотя именно это был основной способ самосохранения среди национальных интеллектуалов не только Украины, но и вообще всех частей советской империи. Прага и тогда польский Львов (который все-таки неточно называть именно эмигрантским пространством) стали центрами несоветского развития теории литературы. Глава, посвященная этому «посмертному» сюжету, не претендует на охват всех перипетий литературной теории (так, лишь мельком упоминается

живший во Львове Роман Ингарден), и основное внимание авторов приковано к работам о Гоголе Дмитрия Чижевского, в которых он сплавил пионерские статьи Эйхенбаума, ранние разработки пражских структуралистов и оригинальный религиозно-философский фундамент. Его желание поставить «мелочи» в центр интерпретации отдаленно напоминает деконструктивистский способ чтения – в первую очередь, к этому подталкивает повышенное внимание Чижевского к частотности гоголевского слова «даже» и идущие вслед за этим размышления.

Синтезом сразу нескольких синхронных интеллектуальных линий, попыткой прорваться в будущее – вот чем закончилась украинская рецепция формального метода.

И по количеству работ, и по их влиянию, украинский «формализм» несопоставим с московско-ленинградским, но собранные авторами монографии материалы и прочерченный нарратив показывают интересную интеллектуальную траекторию, отличную от уже известных. Основной сюжет рецепции метода связан со вторым этапом формализма, когда главный прорыв уже был совершен, ключевые прокламации провозглашены, и наступало время переработки нескольких новаторских идей в *школу*. Как показало время, эта трансформация была во многом обреченной – будучи «межпарадигмальной стадией» (Steiner 1984: 269) развития славистики, формализм с трудом сплавлялся с другими методами, его приемы лишь отчасти встраивались в, скажем, марксистский или феноменологический инструментарий – обычно это происходило в виде отдельных заимствований, а не подлинного синтеза. (Связь структурализма с формализмом сложна и заслуживает отдельного разговора.) Более всего указанный сюжет разработан в связи с младоформалистами³, но украинский контекст выглядит совсем иным: вместо узкого дружеского круга, возвращенного в камерных

³ Кстати, вопрос о влиянии украинской интеллектуальной среды на научное творчество младоформалистов заслуживает отдельного разговора. Если, кажется, оно не слишком релевантно для одесситки Лидии Гинзбург, то в полной мере справедливо для учеников Эйхенбаума – Соломона Рейсера, Арсения Островского, Исаака Ямпольского, возможно – Виктора Гофмана.

семинарах – то есть, попытки повторить на новом витке стратегии ОПОЯЗа – широкое, хотя и децентрализованное обсуждение, сплавливающее передовую теорию с одним из ключевых вопросов времени – вопросов построения политического тела нации, создания одновременно ее будущего, настоящего и прошлого.

Почему же, после всего, Атлантида? Советское наследие нередко уподобляется мифической стране – эта метафора стала расхожей почти до уровня клише (из «книжных» предшественников можно назвать хотя бы серию переизданий советского pulp-fiction издательства “Ad Marginem” под названием «Атлантида» и том статей консервативных литературных критиков, вышедший в серии «Литературная матрица»). Но в случае с украинскими 1920-ми, видимо, это имеет какую-то более сущностную подоплеку, недаром метонимически схожий образ выбрала писательница София Андрухович в нашумевшем романе 2020 года «Амадока», названном в честь мифического озера, будто бы располагавшегося на территории нынешней Украины. В романе, как и в монографии речь идет об интеллектуалах 1920-х и том эхе, которое их рефлексии порождают в современности. Энергия утопии (а не только заблуждения), которую производили люди тех лет, была столь мощной, что порожденные ей фантомы живы и сегодня, очертания непостроенных небоскребов до сих пор можно разглядеть под толщей мифической воды. Не на эти ли будівлі напоролся брюхом русский военный корабль?

2022, сентябрь

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабак Г., Дмитриев А. 2021. Форма и немота. – Ab Imperio. № 4. С. 192–202.
- Дмитриев А., Бабак Г. 2022. Что такое украинский нацмодернизм. – Горький. 31 января. [URL: <https://goriky.media/context/chto-takoe-ukrainskij-natsmodernizm>]
- Пашко О., Портнов А. 2021. Над картой Атлантиды. – Ab Imperio. № 4. С. 91–113.
- Устинов А. 2022. Его прощальный поклон: Виктор Шкловский и киевский «Гермес». – Сборник Матице српске за славистику. № 101. С. 93–122.

- Ушакин С. 2016. Формальный метод: Антология русского модернизма / Под ред. С. Ушакина: В 3-х тт. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый.
Steiner, P. 1984. *Russian Formalism: A Meta-poetics*. Ithaca: Cornell University Press.

REFERENCES

- Babak, G. and A. Dmitriev. "Forma i nemota." *Ab Imperio* 4 (2021): 192–202.
Dmitriev, A. and G. Babak. 2022. "Chto takoe ukrainskij nacmodernizm." *Gor'kii*. January 31, 2022. Accessed November 20, 2022. <https://goriky.media/context/chto-takoe-ukrainskij-natsmodernizm>
Formal'nyi metod: Antologija russkogo modernizma. Edited by Sergei Ushakin. 3 vols. Ekaterinburg and Moscow: Kabinetnyi uchenyi.
Pashko, O. and A. Portnov. "Nad kartoi Atlantidy." *Ab Imperio* 4 (2021): 91–113.
Steiner, P. *Russian Formalism: A Meta-poethics*. Ithaca: Cornell University Press, 1984.
Ustinov, A. "Ego proshhal'nyi poklon: Viktor Shklovskii i kievskii 'Hermes'." *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 101 (2022): 93–122.